

Се Синьцянь прижимался к Ли Вэньсю. Со стороны их поза казалась двусмысленной, почти интимной, однако Вэньсю с самого начала держался с безупречным тактом.

Даже увлекая парня за собой, он придерживал его за спину через ткань собственной рубашки. Синьцянь был совершенно гол, но за всё время Ли Вэньсю ни разу не коснулся его открытой кожи.

Единственное, что выдавало их близость, — лёгкое, еле ощутимое дыхание Вэньсю, касавшееся шеи Синьцяня и отзывавшееся в теле щекотливой дрожью.

Нагой, с обострённой до предела чувствительностью, Синьцянь сжался от этого дыхания. Всё его внимание моментально сосредоточилось в одной точке, от напряжения он даже затаил дыхание.

Лишь когда ассистент судорожно протянул банное полотенце и Синьцянь поспешно укутался в него, неловкость немного спала.

От спешки махровая ткань задела бедро. Острая боль заставила Синьцяня прошипеть и болезненно сморщиться.

— Что стряслось? — опомнился Чжоу Мин, заметив его состояние. — Откуда на ноге это красное пятно?

— Гусеница ужалила, — коротко отрезал Синьцянь.

— Ужас какой! Сяо-ге, ты ходить-то можешь? — Ассистент взглянул на его бедро, не смея прикоснуться, и тут же выудил из сумки тапочки, поставив их прямо перед парнем.

— Могу.

— Тогда иди в комнату, — с облегчением вздохнул Чжоу Мин и рванул прочь. — Я сейчас же приведу врача!

Поднятый Чжоу Мином шум привлёк внимание остальных. Какой-то здоровый работяга под метр восемьдесят, вызвавшийся убрать гусеницу, при её виде подпрыгнул как ошпаренный и завизжал на всю площадку.

На площадке раздался хохот. Синьцянь тоже попытался улыбнуться, но мимика отозвалась такой болью в натянутой коже, что лицо его исказилось гримасой.

Ли Вэньсю, тревожась не на шутку, придерживал край полотенца и произнёс низким, глухим голосом:

— Дай я посмотрю.

Синьцянь хотел было отказаться, но боль скручивала так, что выбирать не приходилось — он лишь слегка кивнул.

Полотенце из стандартного отельного набора едва прикрывало его рослую фигуру. Обернутое от плеч до бедер, оно прятало грудь, но оставляло на виду ровные, бледные ноги с гладкой кожей, заставив нескольких сотрудников невольно засмотреться. Вэньсю же, сдерживая порывы, лишь осторожно приподнял край ткани.

На левой ноге Синьцяня тянулась длинная багровая полоса — от самой пятки до середины бедра, шириной в два пальца. Поверхность её усыпали мелкие, глянцевые пузырьки, наливавшиеся воспалительной отёчностью.

Выглядело это жутко.

— И ты в таком виде продолжал сниматься? — Голос Ли Вэньсю потемнел от едва сдерживаемого гнева, в котором смешались досада и сочувствие. Он занес руку, желая прикоснуться к ране, но побоялся причинить боль и сдержанно отстранился: — Почему сразу не сказал?

— Сначала не заметил, — опустил глаза Синьцянь, сам не ожидавший таких последствий. — А когда пришла боль, дубль был уже в разгаре. Останови я съёмку — упустили бы правильный свет, и всей группе пришлось бы застрять тут ещё на день. — И, видя беспокойство Вэньсю, добавил: — Выглядит страшнее, чем есть на самом деле.

Ли Вэньсю окинул повреждённую ногу долгим взглядом, но ничего не ответил, лишь молча пошёл следом в его комнату.

Для пущего погружения в сельский быт режиссёр поселил актёров в те же комнаты, где по сюжету жили их персонажи.

Оказавшись у себя, Синьцянь скинул полотенце и, хромая, направился к шкафу. Он не хотел заставлять Вэньсю ждать за дверью, поэтому быстро натянул привычную чёрную футболку.

Когда Ли Вэньсю вошёл, Синьцянь уже переоделся: сверху — свободная трикотажная футболка, снизу — лишь широкие боксеры. На фоне бледной кожи ноги набрякшая краснота казалась ещё ярче и болезненнее.

Заметив взгляд Ли Вэньсю, Синьцянь поджал пальцы на ногах и неловко буркнул:

— Нога слишком горит, брюки натягивать больно.

Ли Вэньсю отвел взор и едва слышно отозвался:

— Угу.

В комнате воцарилось молчание, сквозь которое отчетливо пробивался стрекот цикад за окном.

Окно было распахнуто навстречу ветвям пышного дерева. После недавнего ливня ветви налились соком и разрослись так, что почти заглядывали в комнату. Картинка казалась живописной, но у Синьцяня против воли закралась мысль: а ну как оттуда переползёт ещё одна тварь?

Не успел он решить, стоит ли закрывать раму, как Ли Вэньсю уже подошёл и затворил створку.

Сердце Синьцяня обдало теплом.

— Спасибо, — тихо сказал он.

Вскоре прибыл медик съёмочной группы — молодой, энергичный парень с живым взглядом. На выездных съёмках ему приходилось видеть всякое, но реакцию на гусеницу в таком масштабе он созерцал впервые.

— Ого-го! — высвистел он. — Можно подумать, эта дрянь у тебя на бедре гнездо свила!

Синьцянь смерил его молчаливым взглядом.

Заметив, что врачеватель готовится выдать очередной афоризм, Ли Вэньсю сухо перебил:

— Давай ближе к делу.

Врач притих и сноровисто взялся за пинцет, извлекать ядовитые волоски. Очистив поражённый участок, он обработал его спиртом.

Спирт отозвался обжигающей вспышкой — казалось, вся нога полыхнула огнем. Синьцянь стиснул зубы и вытерпел процедуру без единого звука.

— Сейчас продезинфицируем и нанесём мазь, — тараторил доктор. Заметив страдания пациента, он решил разрядить обстановку: — Хочешь анекдот из жизни?

— Валяй, — выдохнул Синьцянъ.

— Учился у нас в академии старшекурсник, фанат экстремального туризма. После выпуска пошёл один в поход по Медогу и ухнулся в какую-то лужу. Выкарабкался, и угадай что?

— Вещи утопил?

— Да если бы! Вылез, а по нему ползают десятки пиявок! Ха-ха-ха! — Доктор зашелся хохотом.
— Видел бы ты его лицо! Он рассказывал, что прямо на руках сидели штуки по шесть, жирные, с большой палец! Извёл на них всю пачку соли!

—... И ты думаешь, меня это развеселит? — уныло переспросил Синьцянъ.

— А разве нет? — искренне удивился врач. — Чужая беда — лучший повод для радости!

Синьцянъ предпочел промолчать.

Спустя пару минут мучения завершились. Врач нанес лекарство, строго-настрого запретив чесать или тереть пораженное место — мол, хоть зубами скреби, а терпи.

На прощание он оставил тюбик с мазью, велел повторить процедуру перед сном.

Синьцянъ рассчитывал позвать на помощь Чжоу Мина, но, открыв мессенджер, вспомнил: ассистент ещё днём отпросился в Цзинши на юбилей дедушки. Съёмочная группа уезжала только завтра, так что обрабатывать рану предстояло самостоятельно.

Спереди достать получалось, но подколенный сгиб и заднюю часть бедра Синьцянъ толком не видел. Едва он вознамерился найти зеркало, как в дверь постучали.

Посвистывая, он допрыгал на одной ноге и распахнул дверь. На пороге стоял Ли Вэньсю. Судя по всему, он только что из душа: домашние спортивные штаны, свободная кофта с длинным рукавом, открывавшая ключицы. В таком виде он выглядел необычайно по-домашнему.

— Что-то произошло? — удивился Синьцянъ.

— Есть разговор, — Ли Вэньсю посмотрел на него. — Удобно?

Синьцянъ кивнул и отступил в сторону.

Войдя, Вэньсю уловил резкий запах лекарства. Взгляд его скользнул по обнажённой ноге парня.

— Мазью мажешься?

— Угу, — кивнул Синьцянь. — Подожди пару минут, я закончу.

Ли Вэньсю присел на стул, достав телефон.

Тем временем Синьцянь встал перед зеркалом, выкручивая туловище, чтобы разглядеть подколенную ямку. Выглядела эта поза донельзя нелепо.

— Помочь? — предложил Вэньсю.

— Не надо, сам справлюсь, — ответил Синьцянь и тут же неудачно повернулся, поморщившись от вспышки боли в пояснице.

Ли Вэньсю поднялся:

— Давай я.

Помявшись, Синьцянь все же передал ему тубик. Изначально он собирался стоять, но это означало бы, что Ли Вэньсю придётся опуститься перед ним на корточки или встать на колени. Позволить старшему коллеге такое Синьцянь не мог.

Сразу перемыслив, он просто лёг животом на кресло, вытянув поражённую ногу.

— Так пойдёт? — спросил он, повернув голову.

Из этого положения ему видна была лишь талия Вэньсю. Чтобы не замарать одежду, Вэньсю засучил рукава, обнажив рельефные предплечья. На кисти, сжимавшей тубик, отчётливо проступали вены — зрелище, дышащее сдержанной мужской силой.

Синьцянь засмотрелся. Лишь спустя мгновение сверху донёсся слегка охрипший голос:

— Пойдёт.

Синьцянь уткнулся лицом в подушку и зажмурился.

За день воспаление только усилилось. Лекарство сначала отозвалось холодком, а затем сменилось жгучей болью. Пальцы Синьцяня рефлекторно сжали подушку. Он пытался сдержаться, но из горла вырвался тихий стон.

Вэньсю замер:

— Больно?

—... Нет, — уткнувшись в подушку, глухо выдохнул Синьцзянь. — Просто чешется жутко.

Вэньсю ослабил нажим, касаясь кожи с предельной осторожностью. Впрочем, стало только хуже: шершавые подушечки мужских пальцев, едва задевавшие воспалённые волдыри, провоцировали невыносимый зуд. Кажется, чесался каждый миллиметр.

Не выдержав, Синьцзянь потянулся рукой к бедру, но Ли Вэньсю перехватил его запястье и прижал к подлокотнику.

Синьцзянь обомлел, ощущая, как уши вспыхивают пожаром.

— Ты чего...

Он не ожидал от Ли Вэньсю такой молниеносной реакции.

Ли Вэньсю смотрел на него сверху вниз. Взгляд его был тёмным, тяжелым, а тон — мягким, но не допускающим возражений:

— Врач запретил трогать.

В любой иной ситуации Синьцзянь срубил бы спесь и подчинился, но адский зуд от токсинов гусеницы лишал рассудка. Бедро буквально горело, этот зуд въедался под кожу, сводил с ума. Левая рука оставалась прижатой к креслу, и Синьцзянь попытался дотянуться правой — но и её моментально перехватили.

Это было выше его сил. Раздражение и зуд слились в единый порыв: Синьцзянь начал извиваться на кресле, пытаясь хотя бы трением о ткань унять мучение. Однако Ли Вэньсю будто предвидел этот маневр. Одной рукой он сжал оба его запястья, а второй попытался зафиксировать брыкающуюся ногу.

Синьцзянь был физически развитым парнем и мог бы оказать сопротивление, тем более что Вэньсю действовал аккуратно. В попытке увернуться Синьцзянь хаотично дергал левой ногой и вдруг... стопа во что-то уперлась.

Синьцзянь замер на месте, не смея шелохнуться.

Вэньсю тут же перехватил обе его ноги, но Синьцзянь уже не думал о сопротивлении. Вся его

голова была забита недавним ощущением в подушечках пальцев ноги.

Он... кажись... точно... во что-то упёрся?

Но это же не могло быть то, о чём он подумал?

Текстура была слишком явной, но неужели такое совпадение вообще возможно?!

Лёжа на кресле, Синьцянь почувствовал, как мозг окончательно уходит в перезагрузку.

— Я... я больше не буду чесать... — кое-как выдавил он сдавленным от долгого молчания голосом. Уши гончарным жаром полыхнули до самого затылка. — Отпустишь?

Ответом ему была тишина.

— Учитель Ли? — от этого молчания Синьцяню стало не по себе.

— Прости, — наконец произнёс Ли Вэньсю, разжимая пальцы.

Не успел Синьцянь перевести дыхание, как Вэньсю бросил короткое «С лекарством покончено» и стремительно выскочил из комнаты, захлопнув за собой дверь.

<http://bllate.org/book/19727/1946679>